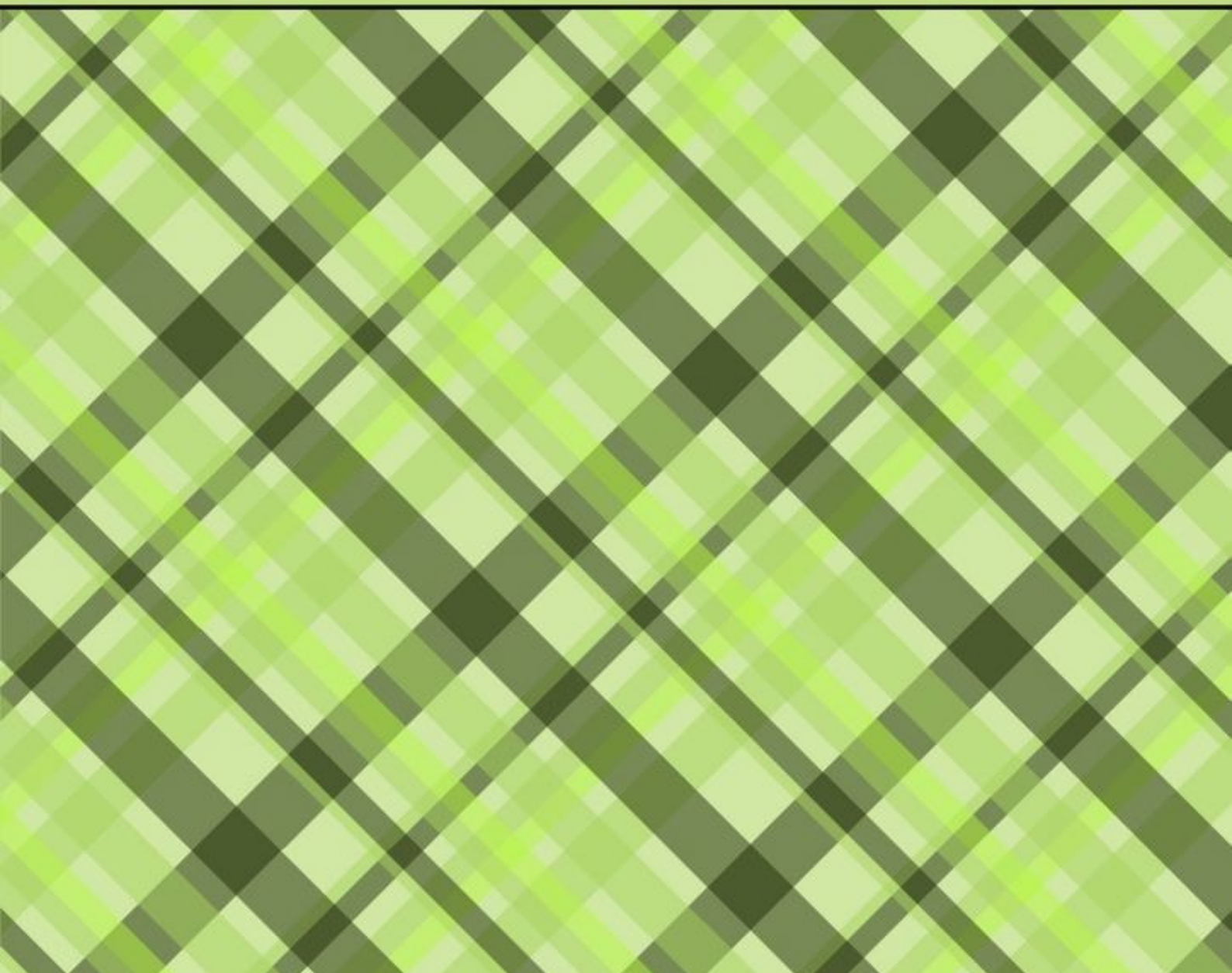

18+

Борис Морозов

Короткие повести

Борис Морозов

Короткие повести. Повести

«Издательские решения»

Морозов Б. Ф.

Короткие повести. Повести / Б. Ф. Морозов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-592821-4

Три повести роднит небольшой размер и стремительность действия. Широкими мазками написаны житейские ситуации, которые духовно преображают наших современников. Убежденный холостяк, совершив дорожную аварию, помогает излечиться пострадавшей малышке и женится на ее матери («Зеленый свет»); под нажимом старых родителей молодая семья тщетно пытается занять своего ребенка («Наследник»); честолюбивая певица после долгих колебаний жертвует своей славой и завершает артистическую карьеру («Примадонна»).

ISBN 978-5-00-592821-4

© Морозов Б. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Зеленый свет	6
Наследник	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Короткие повести Повести

Борис Федорович Морозов

Корректор Ксения Белокроликова

© Борис Федорович Морозов, 2022

ISBN 978-5-0059-2821-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зеленый свет

1

Мне тридцать, я до сих пор не женат – вот мама и любит поучать меня, как маленького. Когда мы собирались на юбилей моего однокурсника Эдика, она без конца долбила:

– Давай, поедem в Москву электричкой! Ты ведь с другом обязательно выпьешь, а как на следующий день будешь рулить?

– Не волнуйтесь, мамочка, ваш ребенок здоров, у него хорошие анализы, говорю вам как педиатр, и потом, надо же обкатать новую машину, мою ласточку, – балагурил я, надевая галстук.

– Джинсы и галстук – признак дурного тона. Лучше надень костюмные брюки, – сказала она, подкрашивая губы.

– В джинсах за рулем удобнее.

Друг Эдик, нынче преуспевающий владелец туристической фирмы, праздновал свой тридцатилетний юбилей на широкую ногу, в дорогом ресторане. Столичный теперь житель, разодетый в пух и прах, он весь вечер хохмил, рассказывал анекдоты. Погуляли прекрасно, если не считать, что все гости будто сговорились – настырно сватали мне черноглазую красавицу-брюнетку Руфину. Особенно старались мама и её давняя московская подруга Нина Петровна, родная тётя Руфины. Временами эти молодящиеся дамы прекращали обсуждение нарядов и украшения женщин-гостей, лукаво переглядывались, а мама нашептывала мне, указывая глазами на Руфину в ярком облегающем платье с очень глубоким декольте:

– Скажи, чем плоха невеста? Москвичка, тоже врач, делает пластические операции известным актерам и политикам, вхожа в Дом кино, имеет квартиру на Волхонке... Да отцепись от рюмки, пригласи её на танец.

– Я не настолько пьян, чтобы влюбиться с первого взгляда. Эдик сейчас рассказал похожий анекдот: «За столиком в ресторане парень говорит девушке: „Смотрю на вас и думаю: выпить еще или вы мне уже нравитесь?“»

– Хватит кривляться, в твои годы пора быть серьезнее, – буркнула мама и демонстративно отвернулась к подруге. Обе ровесницы, скрывающие мешочки под глазами тональным кремом, а морщинки на шее массивными бусами (у Нины Петровны вдобавок ажурный платочек под цвет платья), они ревниво заговорили о знаменитой артистке, которая после очередной подтяжки лица стала неузнаваемая, вдобавок глаза открываются не полностью.

Тут на помощь подоспел круглолицый, возбужденный Эдик с двумя рюмками, его атласный галстук-бабочка сбился набок... Подавая мне рюмку, бодро воскликнул:

– Рома, давай выпьем за меня любимого! Не пьянства ради, а здоровья для. Говорят, самое лучшее лекарство – это вода: пара чайных ложек на стакан спирта, и все болезни как рукой снимет. За юбиляра – до конца, будь лаской, док!

– Может, хватит, ведь завтра мне рулить, а вечером дежурство в больнице.

– Рома, до завтра как до Луны мелкими шагами. Кстати, ловко ты отбиваешься от уз Гименея, тебя не соблазняет даже шикарная грудь Руфины!

– Вспомни, где она работает! В их клинике делают грудь под размер бюстгальтера.

– Док, ты стал циником, и даром твоя мама хочет скорее тебя женить. Руфина – красавица с восточными глазами, а какие ножки, а фигурка – супер!

– Оказывается, ты еще не забыл студенческие повадки многоопытного донжуана! Смотри, твоя Ольга устроит сцену ревности.

– Не будем о грустном, док, послушай анекдоты про дамочек: «Жена посылает мужа в магазин, а он с дивана отвечает: «Сейчас такой дождь, что собаку не выгонишь на улицу».

«Так сходи без собаки», – говорит жена». А вот еще: «Женщина жалуется доктору: «Целыми днями я говорю что-нибудь мужу, а он в ответ – ни слова. Боюсь, доктор, у него серьезное психическое заболевание». – «Это не заболевание, мадам. Это дар Божий».

* * *

Утром я на кухне *поправлял* здоровье крепким чаем, а Эдик с женой и моей мамой просматривали в гостиной видеозапись вчерашнего юбилея. Через дверь доносились восторженные возгласы и комментарии.

В десять часов мы собрались домой, обещая навеститься после экскурсии на Валаам, то есть через месяц.

– Привезем сувениры, фотографии храмов и других достопримечательностей этих святых мест, – авторитетно добавила мама, поправляя перед зеркалом модную шляпку. – А на презентацию обязательно позовите Руфину. Вчера она рассказывала о художнике Шишкине, который, оказывается, любил Валаам. Руфина очень милая, интеллигентная девушка!

– Намек понял, ох, давненько мы не гуляли на свадьбе. – Круглое лицо Эдика расплылось в сладкой улыбке. – Но знай, друг: сделать жену счастливой легко... только очень дорого. Тебе придется бросить медицину и заняться бизнесом, как я.

– Бизнесменом надо родиться, а мой Рома – доктор от Бога, – встала на мою защиту мама. – Недавно ему дали полставки в детской больнице.

– Браво, дружище! Я всегда знал, что тебя ждет мировая слава американского педиатра Бенджамина Спока.

Обнимая меня на прощанье, Эдик вдруг всполошился:

– Рома, от тебя разит коньяком. Если гаишник остановит, может отобрать водительское удостоверение. Погости еще денек, оклемайся как следует! Ну, куда торопиться?

– С удовольствием бы, но перед отпуском много дел. Насчет запаха не беспокойся, буду всю дорогу жевать ментоловую пластинку, – улыбнулся я и показал целый блок.

– Что же, док, счастливого пути, или, как говорят водители, ни гвоздя тебе, ни жезла! – помахал рукой Эдик.

* * *

На кольцевой автодороге мою синюю *ласточку* подхватил поток машин и полтора часа держал внутри бешено летящей железной стаи. Все куда-то спешат, всем некогда, все научились ценить время. Как в калейдоскопе мелькали указатели разъездов, дорожные знаки, рекламные баннеры... Стремительная скорость пьянила, душа восторженно пела, хотелось вслед за классиком кричать: «Какой же русский не любит быстрой езды!»

Контролируя боковым зрением машины слева и справа, я крепко сжимал руль и улыбался, вспоминая анекдоты, которые Эдик вчера сыпал, будто из рога изобилия:

«Врач спрашивает пациента: „Кажется, вы у меня уже были? Напомните фамилию“. – „Семенов“. – „Плеврит?“ – „Нет, я – Николай“».

«Лысеющий мужчина спрашивает в аптеке: „У вас есть средство сохранить остатки моих волос?“ – „Конечно! Рекомендую вот эту прекрасную шкатулочку!“».

С Эдиком мы не виделись два месяца, со дня моего юбилея, но вчера он был на высоте. Впрочем, и в мединституте его считали юмористом.

Маме надоело молчать, и она заговорила о предстоящей экскурсии на Валаам, затем плавно перешла к туристическому бизнесу Эдика и его жены Ольги, которые подарили мне на тридцатилетие эти две путевки.

– Жаль, путевки заполнены. Сейчас я вижу, что вместо меня лучше бы поехала Руфина.

– Это из области фантастики: её так срочно не отпустят с работы, ведь богатеи, желающих омолодиться, много, – она хвалилась, что операции расписаны на месяцы вперед, – защищался я, жуя жвачку.

– Нина Петровна сказала по секрету, что племяннице в клинике хорошо платят. Учти – будешь как сыр в масле кататься.

– Не хочу кататься в масле, фи, противно, – брезгливо сморщился я и вспомнил, как Руфина весь вечер пела дифирамбы своей знаменитой клинике пластической хирургии и косметологии, при этом подвела философскую базу:

«Исправляя недостатки природы и последствия несчастных случаев, мы делаем людей красивыми».

«Залог красоты человека – это здоровье с детского возраста, говорю вам как педиатр, – возражал я. – В здоровом теле здоровый дух».

«А старость? Только в Азии старые люди пользуются уважением и любовью, а у европейцев они чувствуют себя ущербными и несчастными. Оттого наши пожилые знаменитости стараются улучшить свою внешность».

«Разве красивый облик сделает человека духовно лучше? Прав Николай Заболоцкий:

...и что есть красота,
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

«Да, в человеке две красоты, – нехотя согласилась она. – Поэтому сотрудники нашей клиники делают все, чтобы люди были хотя бы внешне красивы...»

2

...Наконец-то *ласточка* вырвалась на Дмитровское шоссе, переполненное медлительным грузовым транспортом. После бешеной скорости, которую диктовала кольцевая автодорога, тащиться за громадными неуклюжими фурами – было скучно. Я перестроился в крайний левый ряд и мчался, не слушая предостережений мамы:

– Не гони! Сбавь скорость! Тише едешь, дальше будешь.

То, что фуры справа вдруг встали, я расценил как очередную пробку на крайней правой полосе и продолжал давить на газ, а когда перегнал их, обомлел: перекресток!.. На светофоре красный, а справа летит белая ауди во главе стаи машин.

...Я испуганно вдавил в пол педаль тормоза, нажал клавишу звукового сигнала...

...*Ласточка* с жутким скрежетом заскользила по асфальту, неумолимо устремляясь к белой ауди...

Удар... Стекло задней двери ауди осыпалось вниз, будто шторка...

...Капот моей *ласточки* вздыбился горбом, раздался треск бампера и дребезг фар...

...Меня больно прижало к рулю... Мама повисла на ремнях безопасности...

...*Ласточка* встала...

...Я от страха оцепенел, судорожно сжимал руль и тупо смотрел, как по шоссе скользил мой номерной знак, а следом – зазмеился ручеек темной жидкости...

...Ауди развернуло, она замерла. Её водитель бросился к вмятой задней двери, кое-как открыл, вынул из кресла маленькую девочку, та держалась за левую окровавленную щеку и пронзительно кричала: «Мама, скорее уезжай отсюда, уезжай!»

«Ой, что я натворил? Как это случилось?» – потрясенно шептал я, все еще надеясь, что это жуткий сон.

– Ты цел? Ничего не сломано? – повторяла бледная, перепуганная мама, лихорадочно ощупывая мне руки и голову.

От горя и страха я не мог вымолвить ни слова.

Меня будто парализовало; все же я открыл дверь кабины и на ватных ногах, заплетаясь, пошел к детскому плачу.

Растерянный собрат по несчастью – ба, да это девушка в синих джинсах и спортивной куртке! – суетливо утирала платочком кровь с лица малышки и безумно кричала:

– Дайте аптечку! Вызовите скорую! Аптечку! Вызовите неотложку!

Будто в тумане я кинулся к своей изуродованной машине, схватил аптечку, и на бегу тщетно старался вскрыть заводскую упаковку. Хорошо, мама длинным крашеным ногтем взрезала пленку, достала кусок ваты, приложила к окровавленной щеке орущей малышки. Затем втроем – девушка в джинсах, я и мама, – стали растерянно нажимать клавиши своих телефонов, вызывая скорую помощь.

В это время на переднем сиденье ауди пожилая холеная женщина в модной шляпке трясущимися руками отстегнула ремень безопасности и запричитала со слезой в голосе:

– Ну, куда летят? Ну, куда летят? Бедная моя внученька!

А мимо неслись автомобили. Около нас водители замедляли ход, смотрели на искореженные машины и окровавленного ребенка, одни со страхом и сочувствием, другие – с любопытством. Вдруг от этого потока отделилась скорая помощь, ревя сиреной. Скрипнув тормозами, она качнулась и застыла перед ауди. Из кабины выпрыгнул мужчина в белом халате, раскрыл чемоданчик с красным крестом, поколдовал над лицом плачущей малышки, а в следующую минуту её усадили в салон вместе с бабушкой. Скорая рванула вперед, расчищая путь синей мигалкой и тревожной сиреной.

Тут возле моей покореженной *ласточки* припарковался огромный черный джип. Из него вышли два бритоголовых парня с золотыми цепочками на мускулистых, тренированных шеях. Один, с татуированным цветным змеем на руке, сказал, подавая мне визитку:

– Не грусти! Главное – все живы, а машина, даже такая дорогая, – всего-навсего кусок железа. Звоните по этому адресу, мы готовы починить быстро и качественно, а хотите, можем выкупить, тогда вы скорее забудете об аварии.

– Как аккуратно ни управляй машиной, но хотя бы раз вляпаешься в ДТП, – авторитетно поддакнул второй, но заметил подъезжавшую к нам сине-белую машину дорожно-патрульной службы и торопливо увлек товарища к джипу.

Когда автоинспекторы подошли, бритоголовых будто ветром сдуло. Низкорослый сержант с полосатым жезлом козырнул, потребовал документы вначале у меня, затем – у стоявшей в стороне *амазонки*, вяло сунул в папку и продолжил разговор с напарником о вчерашнем футболе. Я нетерпеливо топтался перед ними. Наконец, сержант заметил меня и объяснил свое бездействие:

– Когда есть пострадавшие, то ДТП должны расследовать специальные сотрудники. Мы ждем их.

Меня лихорадило. Не зная, как успокоиться, я опять сел в машину. Мама думала, что я трясусь от утреннего холода, поэтому, как маленького, пыталась накрыть курткой, а я капризно сбрасывал. В конце концов я вышел и принялся ходить взад-вперед, боясь взглянуть на покореженную *ласточку*, из которой, как из раненого зверя, сочилась темная жидкость.

Вдруг около меня остановился темно-синий мерседес, вышел здоровяк с трехдневной модной щетиной. Поздоровался. Я машинально, будто в сомнамбуле, ответил.

– Роман Михалыч! Не узнал? Я Кирюха, сосед по гаражу, помнишь, недавно привозил к тебе на прием больного скарлатиной сыночка. Слушай сюда, главное, не *парься*. Говори, что ехал на мигающий зеленый, и все будет *тип-топ*, – заговорщицки шептал он, воровато оглядываясь на увлеченно беседующих полицейских. – Я попадал в такую переделку. Знак

аварийной остановки есть? Быстро поставь около машины, иначе *припаяют* еще и незнание Правил движения.

Я достал из багажника ярко-красные, в заводской упаковке, пластины и беспомощно вертел в руках.

Кирюха (теперь я узнал его) ловко соорудил треугольник, поставил перед потоком автомобилей на черный тормозной след *ласточки*, деловито прошел вперед, подобрал искореженный номерной знак из лужи, которая растеклась по асфальту. Подал мне.

Я оторопело смотрел на мятую пластину с цифрами, и, пока вертел, не зная, что с ней делать, испачкал джинсы.

– Ничего страшного, это из радиатора, тосол, – утешил Кирюха. – Дома отстирается.

Брезгливо кинув пластину в багажник, я растерянно стал спрашивать знакомого: как теперь отогнать *битую* машину домой? В тот момент я напрочь забыл о раненом ребенке и испорченных джинсах, все вытеснила забота о поломанной *ласточке*.

– На эвакуаторе будет дороговато, – вкрадчиво шептал Кирюха, озираясь по сторонам бегаящими глазками. – Я мог бы отбуксировать, но спешу, а тебя здесь промурыжат несколько часов – знаю, бывал в такой переделке. Ты, главное, не *парься*, говори ментам про *мигающий зеленый*.

Наконец, приехали еще два инспектора: пожилой толстый майор с густыми бровями и молодой лейтенант богатырского сложения. Взяли наши документы у сержанта-регулировщика, что-то быстро спросили и направились к нам.

Допрос начали с меня, и неожиданно для себя я ответил словами Кирюхи: «Ехал на *мигающий зеленый*».

Майор записал мое показание в блокнот. Заметив пятно на джинсах, сочувственно спросил:

– Что с ногой? Повреждена?

– Испачкался, – я показал ручеек на асфальте.

Понимающе хмыкнув, грузный майор заставил меня сесть за руль, осмотрел салон, наклонился, будто рассматривая показания спидометра, а на самом деле принохивался. Листая мои документы, спросил:

– Роман Михайлович, на какой скорости вы ехали?

– Шестьдесят пять километров, – испуганно соврал я и покраснел, заметив его взгляд на рычаг скоростей.

Он записал показания спидометра, осмотрел шины, измерил высоту рисунка протектора, хотя и так видно: резина новая. Сделал еще одну отметку в блокноте и направился к белой ауди.

Глядя ему вслед, мама возмущенно зашептала:

– Зачем ты соврал майору? Ведь горел *красный*.

– Струсил. И знакомый посоветовал, он в этих делах дока.

Негромко ворча, мама платочком принялась вытирать пятно с джинсов:

– Угораздило тебя, первый раз надел, и вот...

Опросив длинноволосую амазонку-водителя, майор с лейтенантом начали измерять тормозной путь и расстояние от машины до машины, затем рисовали их положение, фотографировали повреждения... Длилось это часа полтора; светофор то работал, то выключался – тогда на перекресток выходил малорослый сержант с жезлом.

Не спуская глаз с инспекторов, мама прислушивалась к их разговору.

– Парень говорит: ехал на *мигающий зеленый*. Неужели девица мчалась на *красный*? – раздумчиво спросил лейтенант, почесывая затылок.

– Она что, ненормальная? Ведь в кресле малышка, – возразил майор.

Амазонка стояла около своей машины, прижав мобильный телефон к уху. Из распахнутой джинсовой куртки на груди туго выпирала белая кофточка с пятнышком крови.

«Видимо, звонит в больницу», – подумал я и на ватных ногах робко приблизился. Вино-
вато и хрипло выдавил:

– Как дела у малышки?

Опустив руку с телефоном, она брезгливо глянула на меня, на грязную штанину, и сер-
дито выкрикнула:

– Уйди прочь!

– Знаете, я детский врач, могу...

– Сказала: сгинь! Убийца! – Бешеная злоба исказила молодое красивое лицо.

Понурился, я медленно отошел, как побитая собака.

А в это время нас подозвали инспекторы.

– Посмотрите: в момент столкновения машины так стояли? Если согласны, подпишите, –
протянул лейтенант рисунок и ручку мне, потом агрессивной амазонке.

Мельком глянув на рисунок, мы подписались. В таком состоянии транса мы подпи-
сали бы что угодно.

Спрятав документ в папку, лейтенант обратился ко мне, указывая на машину:

– Попробуйте – заводится? Если заводится, то отгоните на обочину, освободите проез-
жую часть. И возьмите свой аварийный знак, иначе его раздавит поток машин.

Еще раз оглядел перекресток и тихо спросил майора:

– Если он ехал *на красный*, то почему никто в ауди не врезался? По принципу *домино*
здесь должна быть *куча мала*.

Майор сдвинул густые брови и недоуменно пожал плечами. Лейтенант приказал мне
сесть на заднее сиденье сине-белой машины:

– Поедем на освидетельствование.

А майору доложил:

– Девица в шоке, абсолютно никакая, однако сесть рядом с этим парнем отказалась. Её
привезет сержант-регулирующий.

3

В наглухо закрытом пространстве, под конвоем двух *ментов*, я почувствовал себя аре-
стантом. Тело сковал холод ужаса.

Ехали мы долго, неизвестно куда, а я мысленно представлял процедурный кабинет
со шприцами-пробирками и замирал от страха, что в крови найдут алкоголь. Вспомнилась
поговорка: от суммы да от тюрьмы не зарекайся. Эх, ну почему я не послушал маму и не поехал
электричкой? Или не остался у Эдика еще на день?

В кабинете майор начал опрашивать меня, а лейтенант – *амазонку*. Краем уха я услышал,
как лейтенант возмутился, почему адрес в водительских документах один, а в паспорте другой.
Она ответила, что в настоящее время разведена, безработная и живет у матери.

Затем лейтенант вставил трубочку в какой-то мини-калькулятор и начал на нем печатать,
подолгу выискивая толстым пальцем нужную клавишу-букву. Закончив, он вытер пот, облег-
ченно вздохнул и поднес устройство к моему лицу:

– Дуйте в трубочку.

Я издали дунул. Лейтенант чертыхнулся, снова помучился над клавишами и раздра-
женно объяснил:

– Трубочка стерильная, я достал её из упаковки на ваших глазах. Надо взять в рот и дуть,
как надувают детям шарики. У вас есть дети?

– Нет, – ответил я и сердито добавил: – Я ни разу не был в полиции, и *трубочку* вижу
впервые.

Вторая попытка была удачная – из аппаратака выползла узкая, вроде кассового чека, лента с моей фамилией, именем и отчеством. Так вот что печатал лейтенант!

– У вас *нули*. Распишитесь здесь.

Я расписался, но, вспомнив многочисленные юбилейные тосты, обеспокоенно спросил:

– Что значат нули?

– Нули и в Африке нули, – раздраженно ответил лейтенант, передавая трубочку *амазонке*.

Машинка и для нее выдала *нули*.

Ей, а потом и мне дали заполнять анкету. Записав паспортные данные и номер мобильного телефона, я наткнулся на строку про уголовную ответственность за дачу ложных показаний. Рука замерла на мгновение, и все же, преодолев страх, я написал о *мигающем зеленом* свете и неожиданно вылетевшей справа белой ауди. Нервно-размашисто подписался, подал тучному майору.

Он прочитал, сердито сдвинул густые брови, рявкнул:

– Вы подробно пишете о поломках машин и ни слова о раненом ребенке.

Я смутился, дополнил про девочку с окровавленной щекой и опять крупно расписался.

Просмотрев мои поправки, он проворчал:

– Не написано, где произошло ДТП, куда ехали, с какой скоростью, на какой машине, кто был в кабине?

– Название перекрестка не знаю, я из Тверской области.

Он продиктовал и добавил с досадой:

– Не спешите ставить подпись. Проверю, потом подпишете.

Прочитав и эти дополнения, скомандовал:

– Теперь можете расписаться, но добавьте: «написано лично мной в полном здравии и рассудке».

Читая окончательный вариант, он пробурчал:

– Объяснительная получилась из трех частей, ну да ладно, переписывать некогда! Подождите в коридоре, мы вызовем.

После недолгого ожидания мне выдали копии документов на *ласточку* и временное водительское удостоверение.

– Восьмого сентября явитесь на дорасследование, – сурово сдвинул густые брови тучный майор.

Дата показалась очень знакомой, и я вдруг вспомнил:

– А у меня с восьмого путевка на остров Валаам.

– В такой ситуации он еще думает о путевке, – язвительно ввернул лейтенант. Снизил голос и доверительно прибавил: – По поводу травмы, которую получила девочка, договоритесь с матерью. Я вам дружески советую, иначе затаскают по судам.

Договориться – значит, предложить денег, это понятно. Но сколько? Спросить при майоре неловко, и я вышел, надеясь дожидаться удобного случая.

В коридоре на скамейке сидела *амазонка*. Увидев меня, она резко отвернулась. Сразу вспомнился агрессивный крик «сгинь, убийца!», и желание *договариваться* исчезло.

Приоткрыв дверь в кабинет, я спросил бровастого майора:

– Вы отвезете меня назад? Я не представляю, где нахожусь и как найти свою машину.

– Нам некогда, у нас еще одно ДТП. Выходите на шоссе и ловите такси.

Когда таксист привез меня на злополучный перекресток, я осмотрелся. Там, где стояла ауди, мчались автомобили. С асфальта убраны стекла и пластмассовые осколки, а вытекший из радиатора тосол досуха растёрли колеса. Светофор не работал, и движение машин регулировал жезлом знакомый низкорослый сержант.

Около моей изуродованной *ласточки* стояла мама и серебристая роскошная машина Эдика. Увидев мое унылое лицо, Эдик играючи выхватил у меня полицейские документы, надел очки в золотой оправе:

– Посмотрим, чего написали *гайцы*. Так, за рулем женщина, а общеизвестно, что женщина за рулем – это стихийное бедствие. Вот, вспомнил анекдот: «Столкнулись две машины. Женщина начала извиняться, но её прервал водитель: „Нет, мадам, это я виноват. Видел, что за рулем женщина, однако не съехал в кювет, не подождал, пока вы проедете“». Так-так, Вероника Владимировна, есть адрес и телефон, можешь в Интернете узнать про нее все, но ДТП не самый лучший способ для знакомства. Так-так, пострадавших – один человек... Предписано возбудить дело об административном нарушении... Алкогольное опьянение не установлено. Значит, адреналин удалил из тебя весь юбилейный алкоголь. В общем и целом, ничего страшного, док! Но впредь уважай красный светофор, правда, на российских дорогах есть только один запрещающий знак – бетонный блок. Все остальные знаки – предупреждающие, – засмеялся он, возвращая мне документы, и ободряюще похлопал по плечу.

– Уже подходил покупатель на машину, – сказала мама, устав слушать хохмочки Эдика. – Говорит, давно хотел такую, а денег нет, но *битую* купил бы, если мы будем недорого продавать... Оставил свой телефон.

– Сейчас не до того, – отмахнулся я.

– Картина знакомая: стервятники слетаются на пададь. Одни *подрезают*, другие предлагают выполнить экспресс-ремонт, третьи – просят продать за бесценок, – пояснял Эдик, доставая из моего багажника новенький красно-белый буксировочный трос. Умело прицепив к своей машине покореженную *ласточку*, он сказал:

– Док, чтобы не *поцеловать* меня, трос постоянно держи тормозом в натяжку. Отбуксирую в лучшем виде.

Стемнело, вдобавок полил дождь. Пока доехали до моего гаража, я измучился, натерпелся страху, когда Эдик внезапно тормозил и раскученный капот *ласточки* оказывался в сантиметре от его дорогой серебристой машины.

4

Ожидание инспекторов, процедура освидетельствования, проблема доставки *битой* машины в гараж, – все эти события мешали подумать о несчастной малышке.

А дома картина аварии вспомнилась во всех деталях и не давала покоя ни днем ни ночью. Однако жизнь так устроена, что всегда отвлекает новыми заботами.

Надо решать: что делать с моей путевкой? Восьмого, в день начала экскурсии, я должен явиться в инспекцию, но даже без этого путешествие мне будет не в радость. Мама тоже расстроена и не хотела слышать о Валааме.

Эдик и Ольга вошли в наше положение и заверили, что турфирма примет путевки назад. Однако поинтересовались:

– Может, в вашем городе найдутся желающие посмотреть экзотические северные места?

Через пару дней волнение чуть-чуть улеглось, нудные дожди перестали, выглянуло солнышко, и мама решила ехать. Но путевок две, значит, надо искать компаньона. Обзвонив бывших сотрудников, она вспомнила про Нину Петровну. Та с радостью согласилась. В железнодорожном билете оставалось заменить мою фамилию на её, а это оказалось непросто. Но – решается.

* * *

Восьмого сентября на *дорасследовании* мне предстояла очная ставка с хозяйкой ауди. До встречи надо бы повиниться, благо в копии протокола указано её имя, телефон и адрес. Но какие слова сказать, ведь в ушах до сих пор звенит враждебное «Сгинь! Убийца!».

– Лучше, если переговоры буду вести я, – предложила мама. – Надо переждать несколько дней, чтобы миновал шок и утихла агрессия.

– Звони сейчас, я волнуюсь за несчастную девочку, – торопил я. – Первым делом спроси, как её здоровье.

– Узнаешь, все узнаешь, пожалуйста, не мельтеши перед глазами! Разговор предстоит непростой, чтобы в волнении не ошибиться, я должна предварительно составить текст на бумаге.

Вечером она позвонила, включив громкую связь. Дрожащий голос Вероники переполнен злобой:

– Дочка до сих пор в больнице, ей наложили шов на щечку. По словам врачей, угрозы для жизни нет, но лицо...

– Какая требуется помощь? Мы готовы помочь финансово. Естественно, в разумных пределах, – меркантильно вырвалось у мамы.

– Сейчас не могу ответить. Пока неясно, возможно, потребуются косметическая операция.

После этого звонка в памяти явственно возникла плачущая, окровавленная малышка. Что с её лицом? А вдруг осколок стекла попал в глаз? Увечье страшно для любого человека, а для девочки – особенно.

Маму же беспокоило, что Вероника безработная, к тому же мать-одиночка, вдруг потребует запредельную сумму, а все наши сбережения ушли на покупку *ласточки*.

– Что ж, возьму кредит или попрошу у Эдика, – обреченно сказал я. – Так мне и надо, преступнику и убийце.

– Перестань драматизировать, может, у малышки ничего страшного, может, небольшая ранка, – успокаивала мама. – Детей без царапин и ушибов не бывает.

Чем ближе восьмое число, тем больше меня страшил разговор со следователем. Если настаивать на *мигающем зеленом*, то получится, что владелица ауди выехала на *красный*. Виновата будет она, а если скажу правду – меня осудят за дачу ложных показаний инспектору. Куда ни кинь, везде клин. И потом, как быть на суде – повернется ли язык оклеветать безработную одинокую женщину, мать несчастного ребенка? Ну, зачем я соврал, зачем послушался Кирюху? Принесла его нелегкая именно в тот момент!

Я пошел в гаражи, чтобы посоветоваться с ним.

– Не вздумай признавать себя виновным, – твердо сказал Кирюха. – Пусть инспекторы ищут истину, они за это деньги получают. Я однажды побывал в таком ДТП. Если хочешь, обратись к моему знакомому адвокату. Запиши телефон.

Я отказался. Ну, чем поможет адвокат, если я виноват? Ничем. Только еще больше запутает дело.

Но должен же быть какой-то выход? Может, свалить вину на светофор?

Узнав в Интернете, что светофоры нашпигованы разными микросхемами, я воспрянул духом: железо – и есть железо, оно может дать сбой, например, от перепада напряжения, от влаги, от старения деталей. То есть возможна ситуация, когда мне ЕЩЕ будет *мигать зеленый*, а для Вероники УЖЕ *загорится зеленый*. Тогда, как говорится, и волки сыты, и овцы целы.

Чтобы проверить свое предположение, я часами простаивал на регулируемых перекрестках своего города. Увы, светофор действовал без сбоев. Однажды, возвращаясь на такси с ночного дежурства в детской больнице, я спросил водителя о возможных неисправностях светофора.

– У меня большой стаж, однако на моей памяти таких случаев не было, – уверенно ответил таксист.

Это окончательно перечеркнуло мой спасительный вариант. Ладно, чему быть, того не миновать.

* * *

Седьмого сентября я провожал маму до Москвы, откуда начнется экскурсия. На вокзале мы встретили Нину Петровну. Её сопровождала Руфина.

У открытой двери вагона время тянулось мучительно долго, провожающие и отъезжающие уже простились, все пожелания сказаны, молчать неловко, вдобавок смущала молоденькая проводница, нетерпеливо постукивающая ладонь свернутым желтым флажком. Когда Руфина отошла купить в дорогу минеральной воды, Нина Петровна спросила, отчего я грустный. Мама рассказала про недавнюю аварию.

Зябко укрыв шарфиком стареющую дряблую шею, Нина Петровна солидно проговорила:

– Недавно я ходила в церковь. В проповеди батюшка сказал: всякое тайное когда-нибудь станет явным. Надо покаяться, и на душе полегчает.

– То же самое говорю и я, – радостно подхватила мама.

– Я боюсь тюрьмы.

– Ребенок жив? – спросила Нина Петровна.

– Да, девочка жива.

– Значит, строго не накажут.

– Неизвестно, – уныло проговорил я. – Завтра, когда вы поедете в экскурсионном автобусе по Питеру, я буду стоять перед судьей, возможно, в наручниках.

– Ну-ну, не следует прежде времени отчаиваться, – кокетливо сказала Нина Петровна.

Что-то вспомнив, она спешно вручила маме конверт с деньгами за путевку, а мама незаметно передала его мне, шепнув:

– Не терзай себя так сильно, возьми – вдруг потребует мать несчастной девочки или придется сунуть следователю.

Наконец, поезд тронулся. Когда огонек последнего вагона скрылся в темноте, я и Руфина облегченно вздохнули и пошли через многолюдный зал ожидания в ресторан. Сдали куртки в раздевалку. На Руфине опять было платье с чересчур глубоким декольте. Под мелодичную музыку небольшого оркестра мы вспоминали юбилей Эдика, наше знакомство, снова заговорили о красоте человека...

Тут к нашему столику, подошел, сильно качаясь, толстоносый широкоскулый мужчина. Бесстыдно заглянул Руфине в большой вырез платья и пригласил танцевать. Она растерялась, захлопала наклеенными ресницами, а в черных восточных глазах заметался страх и мольба о помощи.

– Дама уже приглашена, – твердо сказал я, уводя её в круг танцующих.

Толстоносый выпивоха оказался настырным – подходил еще дважды, поэтому Руфина забеспокоилась, срочно потребовала у официанта счет.

– Знаете, у меня дурная привычка рассматривать лица людей как потенциальных клиентов нашей клиники, – пояснила она, доставая кошелек, и царственно отклоняя мою руку с деньгами. – Этому Квазимодо я мысленно поправляла нос и скулы, а он решил, что я *запала* на него. Нетрезвый, еще драться полезет – видите, какой он здоровяк, настоящий Геркулес.

– Не бойтесь, мадам, я в институте учил приемы карате.

Она иронично взглянула на мои очки и тонкие пальцы врача:

– Лучше уйти. Ущербные люди непредсказуемы, как и все уроды.

На такси подъехали к её дому. Я стал прощаться. Хотелось побыть одному, чтобы подготовиться к завтрашнему разговору с инспекторами, но Руфина властно сказала:

– У меня просторная квартира, переночуешь на диване. Я не хочу, чтобы провинциальный педиатр мыкался по гостиницам или ютился на вокзальной скамейке с бомжами. Кстати, включу фильм, где главную роль исполняет знаменитый голливудский актер Пит Френсис. – Она всмотрелась в мое лицо, слабо освещенное уличным фонарем, воскликнула: – Слушай, только сейчас, в темноте, заметила, что у вас одинаковое лицо, решительный подбородок с ямочкой и греческая форма носа! Тебе кто-нибудь говорил, что ты на него похож?

– Это он на меня похож, – ответил я заготовленной шуткой.

– От скромности тебе не умереть, – засмеялась она и что-то сказала водителю. Такси уехало, отступать некуда.

В просторной, богато обставленной квартире мы пили кофе и смотрели американский фильм с типичным хеппи-эндом. Она часто выходила на кухню, видимо, чтобы показать платье, облегающее каждый изгиб красивой фигуры и очень глубокое декольте. Явно, соблазняла, но меня её уловки не волновали. Настроение архискверное, я все время думал о ДТП и предстоящем расследовании. Руфина пыталась развеселить, спрашивала, отчего я такой печальный. Я всячески уклонялся, ибо не хотел рассказывать о своих неприятностях.

А утром поехал в инспекцию. От дома Руфины это недалеко, на метро без пересадки.

5

У входа в контрольно-пропускной пункт инспекции увидел скопище понурых автомобилистов с унылыми лицами.

Очередь двигалась медленно, поскольку в узком проходе человека останавливал турникет, дежурный придирчиво сверял внешность с фотографией в паспорте, медленно записывал в журнал фамилию-имя-отчество и только потом открывал дверцу, позволяя шагнуть в магнитную рамку.

В кабинете, куда мне предписано явиться, сидел пожилой подполковник и, покручивая седые усы, задумчиво смотрел в окно. Боясь его побеспокоить, я молча стоял у двери. Осматривался. Две стены украшены цветными репродукциями икон, среди них большой ватманский лист с цитатой из Евангелия: «И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними. Матф. 7, 12».

Звонок телефона заставил подполковника обернуться. Заметив меня, он приветливо кивнул, показал на стул, а сам что-то кратко сказал в трубку и положил на рычаг. После этого занялся мной. Быстро нашел нужную папку, и ласково сказал:

– В ДТП есть пострадавшие, поэтому ваше дело передано в соседний отдел, капитану Ключиной. Правда, сейчас её нет, она много ездит по больницам, беседует то с потерпевшими, то с врачами. Вот вам её телефон, имя и отчество.

Подавая мне визитку, седоусый подполковник так доброжелательно улыбнулся, что я, глядя на иконы, забыл, в каком страшном учреждении нахожусь.

Ожидая в коридоре, я уже изучил все вывески на стенах, вдосталь насмотрелся на деловито сновавших полицейских с бумагами, на удрученных, пришибленных посетителей, когда из соседнего кабинета выглянула молодая блондинка с погонами капитана:

– Кто меня ждет? Вы? Заходите.

Открыв папку, она осмотрела нарисованную схему ДТП, фотографии разбитых автомобилей, прочитала объяснительные.

– Вы написали, что ехали «на мигающий зеленый свет», а, наверное, это был «желтый»?

– Возможно. Ведь светофор был неисправен, и несколько раз перекресток регулировал жезлом ваш сотрудник.

Мой уверенный тон заставил её заглянуть в бумаги:

– Здесь написано, что светофор работал исправно.

– Пока мы там стояли, его выключали несколько раз. Низкорослый сержант-регулирующий может подтвердить.

Она недоверчиво посмотрела на меня. Я мужественно выдержал её профессиональный пытливый взгляд.

Тяжело вздохнув, она подала бумагу:

– Как только получим судебно-медицинскую экспертизу, расследованием по вашему делу буду заниматься я. Если не возражаете против моей кандидатуры, то подпишите.

Я подписал, особо не вчитываясь. В голове крутилось предостережение лейтенанта «а то затаскают по судам», поэтому добавил:

– Только мне сложно часто приезжать, у меня работа, я живу в Тверской области...

– Понимаю, понимаю. Можете звонить, запишите телефон.

– Служебный есть, – я показал визитку, – может, дадите мобильный? Мне сказали, что вы много ездите по больницам и здесь вас трудно застать.

– Это правда, но утром я на месте. Звоните.

– Тогда давайте договоримся так: мой мобильник всегда при мне, а номер есть в протоколах – если понадобится, то позвоните.

Из кабинета я вышел, испытывая огромное желание как можно скорее покинуть это учреждение, но увидел перед собой Веронику в сопровождении величественной пожилой женщины, той, которая уехала на скорой с плачущей малышкой. Правильные черты лица и одинаково ярко-синие глаза говорили, что это мать *амазонки*.

Пока я раздумывал, как себя вести, Вероника подошла к двери кабинета, обернулась ко мне и спросила:

– Расследование началось?

– Да, я только что оттуда, – ответил я, робко улыбаясь.

Никак не реагируя на мою несмелую улыбку, она вошла и тотчас вернулась с каким-то бланком. Подала матери.

– Ой, а я очки не взяла, – смутилась мать. – Заполняй сама.

– Надо твоим почерком, ведь свидетель – ты.

– Сколько у вас диоптрий? Может, подойдут мои? – излишне услужливо сказал я, снимая очки.

Женщина узнала меня, чуть помедлила, брезгливо взяла очки, мельком глянула в бланк и враждебно буркнула:

– Не подходят, буквы расплываются.

Я отозвал Веронику в сторонку и, стараясь не смотреть в ярко-синие глаза, вручил сверток с деньгами:

– Вот, для малышки. Не очень много, но это на первый раз. Хочу как-то загладить вину перед ней. Как она?

– Лада в больнице, – мирно ответила Вероника, принимая сверток. – Спасибо, деньги сейчас очень кстати, поскольку вечером родных выгоняют из палаты, приходится нанимать сиделку на ночь. Но знайте, я буду настаивать на самом строгом заключении судебно-медицинской экспертизы, тогда меня не признают виновной и ремонт моей машины сделает страховая компания.

– Да, конечно. Самое главное – обошлось без жертв, – повторил я ободряющую фразу лысого братка с татуированным змеем на руке.

– Вы правы. Мне сказали: тот перекресток каверзный и на вашем месте мог оказаться любой.

Теперь я каждый день звонил Веронике, чтобы узнать о здоровье Лады.

Вероника отвечала, а голос у нее грустный-грустный Я утешал, подбадривал и как детский врач давал советы.

6

Через неделю вернулись пахнущие духами мама с Ниной Петровной. Намакияженные, в светлых курточках и модных брюках.

– Какие вы помолодевшие! – сделал я им комплимент.

– А то! Выглядеть надо модно и молодо, нынче старух не любят, – ответила Нина Петровна, кокетливо поправляя платочек на шее.

Дополняя друг друга, они восторженно рассказали об автобусной экскурсии по Петербургу, затем о плавании к Валааму по бурным озерам, Ладожскому и Онежскому, о монастырях и деревянных церквях, построенных без единого гвоздя, о том, как на обратном пути спустились в Волгу и побывали в Угличе.

Вместе с сувенирами и многочисленными фотографиями они привезли видеозапись концерта отдыхающих в кают-компании, где дуэтом исполнили романс «Калитка». В париках, с макияжем, обе смотрелись на сцене молодо, ну, как настоящие эстрадные звезды после удачной пластической операции! А мне было не до концерта и не до фотографий, все время думалось о бедной малышке Ладе.

Наступило утро и мама предложила:

– Рома, давай проводим на электричке Нину Петровну до Москвы, встретимся с Руфиной, потом поедem к Эдику и Ольге, отблагодарим их сувенирами, покажем фотографии и наш концерт.

Я сослался на неотложные дела в больнице: там лежали с пищевым отравлением трое моих пациентов из младшей группы детского сада:

– Главврач узнал, что я не уехал на экскурсию, и отозвал из отпуска, – пояснил я.

И потом, не рассказывать же маме и её подруге, что в последнее время общение с Руфиной начало меня угнетать. Раздражали и чересчур открытое декольте, и скандальные новости из жизни звезд эстрады. Порой подмывало остановить её словесный водопад известным афоризмом Козьмы Прутова: «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану». Но воспитание не позволяло.

* * *

А на душе было беспокойно, вина тяготила. В ожидании звонка следователя, я не расставался с телефоном, каждый день открывал почтовый ящик, выискивая повестку. Увы, ни того, ни другого не было, и я не знал, радоваться этому или печалиться. Скорее – второе, поскольку неопределенность угнетает, висит дамокловым мечом.

В гаражах я наслушался всяких советов от водителей, побывавших в ДТП. Все хвалили, что я не скрылся с места аварии, оправдывали мои ложные показания, мол, сработал испуг, в такой ситуации каждый норовит свалить вину на ближнего.

«Гаражисты» упорно подучивали *топить* девицу:

– Женщина за рулем – это катастрофа: выехав из гаража, она уже создала аварийную ситуацию на дороге...

– Стопудово, она выскочила *на желтый*, ведь если бы ехала со всеми *на зеленый*, то задние машины обязательно вмазались бы в нее...

– Настаивай на своем, и вам присудят *обоюдку*, равную вину. Тогда часть твоего ремонта оплатит страховая компания. Капот, радиатор, крыло, фары – сумма ого-го!

Знакомец Кирюха с небритым лицом и маленькими бегающими глазками подвел итог всем советам:

– Своя рубашка ближе к телу. Так устроен человек.

Я уходил из гаража мучаясь: ну, можно ли обездоливать и без того пострадавшую мать и её раненую дочурку? Будь что будет, как говорится, чему быть, того не миновать. Только зря я солгал бровастому майору и записал это в протоколе, ну, зачем пошел на поводу у Кирюхи?

Ощущение вины мешало спокойно жить, порой возникала мысль поехать к следователю, повиниться, отказаться от своих показаний.

Так прошло почти два месяца. Десятого ноября, в День работников Внутренних дел, появился хороший повод напомнить о себе: торжественным голосом я поздравил капитана Ключину с праздником, пожелал здоровья, успехов в службе.

Вместо дежурных слов благодарности она взорвалась:

– Где вы пропали? Я звонила много раз, но ваш телефон не отвечает.

– Как не отвечает? Телефон постоянно при мне, все дозваниваются.

– Ладно, сейчас это уже не имеет значения: первого ноября состоялось рассмотрение вашего ДТП и дело передано в суд. Судебно-медицинская экспертиза установила у потерпевшего ребенка причинение *вреда здоровью, не опасного для жизни*, – раздраженно прокричала она и повесила трубку.

Вот так поздравил! Несколько минут я осмысливал наш разговор. Для начала внимательно прочитал копию протокола и ужаснулся: оказывается, последняя цифра моего телефона «шесть» написана небрежно, как «пять», то есть майор ошибся или почерк у него такой, а в результате – до меня не могли дозвониться.

Вспомнив слова Ключиной о заключении судмедэксперта, я стал гадать: чем грозит мне формулировка «причинение *вреда здоровью, не опасного для жизни*»?

7

А вскоре позвонили из суда и сообщили, что заседание состоится первого декабря в десять утра, зал номер восемнадцать по адресу...

В тот день последним моим пациентом был ангинозный мальчик, которого привел Кирюха. Когда я осмотрел малыша и выписал лекарства, Кирюха, потирая короткую щетину, спросил, чем закончилось мое дело.

– Завтра вызывают в суд, – сказал я шепотом, чтобы не слышал мальчик.

– Надо срочно обратиться к хорошему адвокату, – посоветовал Кирюха. – Мне он стопудово помог, когда я так же вляпался. Заплатишь – он научит, как себя вести во время суда, чтобы наказание было минимальным. Все будет *тип-топ*. Запиши его телефон.

Глядя в маленькие бегающие глазки Кирюхи, я мысленно посылал его куда подальше. Но ответил спокойно:

– Раз уж я виноват, пусть накажут по всей строгости.

– Блаженный, интеллигент! – покрутил он пальцем у виска. Взял сыночка за руку и вышел из кабинета.

Тридцатого ноября природа ожесточилась: ударил сильный мороз. С вечера я завёл будильник, чтобы не проспать утреннюю электричку и успеть в суд к назначенному часу. Но долго не мог заснуть. В последнее время в кино и по телевизору часто показывают судебные процессы: подиум с внушительным столом, за ним судья в шапочке и мантии, по бокам – два заседателя, а у входа в зал железная клетка с преступником.

Неужели и я в клетке, в наручниках? Кошмар!

Уснул только под утро.

По звонку будильника ошалело вскочил, посмотрел на термометр за окном. Ого, минус двадцать пять! Молодцы синоптики, не ошиблись. Первое декабря, а настоящая зима!

Нехотя выпил кофе с бутербродом, тепло оделся и побежал на остановку. Под навесом стояли два нахохлившихся парня и переговаривались, постукивая нога об ногу:

– В такую погоду автобус может не завестись, тогда шестичасовая электричка сделает ту-ту без нас

Тревожное беспокойство парней передалось и мне, отодвинув на миг страх предстоящего суда. Ах, да, ведь сегодня суд, если опоздаю, меня посчитают злостным преступником! Стоп, а ведь в здание без паспорта не пустят. Я начал судорожно шарить по карманам. Заглянул в сумку с документами – нет. Неужели забыл? Уже повернул к дому, но еще раз ощупав нагрудной карман, облегченно вздохнул – на месте. Можно ехать, только бы завелась машина... Слава Богу, вдаль засветились и стали приближаться фары: значит, автобус вышел на маршрут.

В здание суда надо проходить через турникет и рамку металлоискателя. Пока дежурный сверял мою наружность с паспортом, пока записывал фамилию, я читал объявления, одно из которых приковало внимание и долго беспокоило: «Вход в здание с оружием запрещен!».

На двери нужного мне зала №18 приколота бумажка: «Список гражданских дел, назначенных к слушанию. Судья – Ю. Т. Глазычева». Ниже – перечень дел с указанием времени рассмотрения, фамилия истца, ответчика, суть вопроса. Оказывается, Вероника истец, а я – ответчик, выходит, следователи уже распределили наши роли.

Подумать только, я впервые в суде, а никакого страха, здесь все как в захудалой районной конторе: краска на стенах кое-где облупилась, в узком коридоре убогие, расшатанные стулья. Ничего необычного, только посетители с печально опущенными головами.

Чтобы скоротать время, чтобы успокоиться, я начал ходить по этажу, заглядывая в открытые комнаты, которые здесь почему-то назывались *залами*. В зале №14 были видны пустые деревянные скамьи, лишь на передней сидели двое. Один спокойно смотрел перед собой, другой, обреченно обхватив голову и виновато сгорбившись, уставился в пол. А у входа, в углу, железная клетка. Пока пустая.

Когда вернулся к *моему* залу, у двери сидела Вероника. Белокурые волосы красиво раскинулись по воротнику модной пушистой шубки. Мы поздоровались. Я спросил о здоровье Лады. Вероника начала рассказывать, как от лекарств у малышки понизился гемоглобин... и вдруг смолкла: мимо вели под конвоем дюжего парня, стриженного наголо. Его правая рука сцеплена наручниками с рукой охранника, а сзади шли два конвоира с автоматами наизготовку. Зрелище – пострашнее, чем в кино.

Тут нас пригласили в зал. Я пугливо осмотрелся: обычный большой кабинет, никакого подиума, слава Богу, никакой клетки. За столом, перед грудой папок и бумаг, сидела полнолицая молодящаяся женщина с густо накрашенными бровями. Это судья, хотя ни молотка в руке, ни черной шапочки, ни судейской мантии, как показывают в кино. Слева и справа от нее – две девочки в джинсовых костюмах, видимо, заседатели.

Судья потребовала наши паспорта, списала данные, после чего, ссылаясь на протоколы, акты, схемы и рапорта, нудной скороговоркой зачитала выводы следователя о нарушении мною в такое-то время, в таком-то месте правил дорожного движения, повлекшем причинение легкого вреда здоровью ребенка.

– Вы согласны с этим? – обратилась она к Веронике.

– Да.

Тот же вопрос задала и мне. И я ответил «да», после чего судья спросила меня:

– Вы признаете свою вину?

– Да, – ответил я и облегченно вздохнул: оказывается, не пришлось ничего врать, напрасны были мои мучительно подготовленные речи, негодились советы Кирюхи и соседей по гаражу.

Затем судья прочитала постановление: «Определить Романа Михайловича Филатова виновным в дорожно-транспортном происшествии и определить наказание в виде денежного штрафа». И добавила материнским тоном:

– Покажете в инспекции квитанцию оплаты и вам возвратят права.

«Стало быть, придется ремонтировать машину, – подумал я. – Все эти месяцы, полагал, что мне навсегда запретят садиться за руль».

Когда мы вышли в коридор, Вероника сказала:

– Я не настаивала на суровом наказании, поскольку вы приняли участие в судьбе моей доченьки.

– Как её самочувствие? – спросил я.

– Врачи советуют лечение в реабилитационном центре и, возможно, пластическую операцию на щеке.

– Направление в реабилитационный центр я беру на себя, после этого обследуем малышку в самой лучшей клинике, а если понадобится, сделаем там операцию.

– Спасибо, однако вы не хирург – помню, вы говорили, что педиатр!

– Так и есть, но в клинике у меня хорошие знакомые. Я хочу искупить вину перед вашей малышкой.

Она чуть улыбнулась, осветив меня необычной синевой глаз. В этот миг во мне что-то дрогнуло, сердце радостно забилося, наполняясь счастьем. Сделалось легко оттого, что Вероника, оказывается, такая славная, она простила меня и не держит зла. Хорошо, что я признал свою вину, сразу с души свалился камень. Такое чувство, будто я выздоровел после долгой тяжелой болезни.

Как на крыльях летел я в Сбербанк оплатить штраф. Зимний ветерок играл полами распахнутой куртки, а мне было жарко. Снег скрипел под ногами, полуденное солнце слепило глаза. Прохожие смотрели на меня и тоже улыбались.

С Руфиной мы изредка встречались, что заставляло Нину Петровну многозначительно и торжествующе переглядываться с моей мамой.

Эдик подтрунивал и говорил о моей женитьбе как о деле решенном:

– Пора, док, пора окольцеваться. Давненько у нас не было предлога гульнуть в ресторане. Женившись на Руфине, станешь, док, москвичом, она устроит тебя в знаменитую клинику, будешь лазером исправлять у детей царапины и шишки. Постепенно раскрутишься, приобретешь новую, как у меня машину, будешь у нас покупать путевки и ежегодно отдыхать с женой на Кипре, либо в Анталии. Но не забывай совет Шопенгауэра: «Жениться – это значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности».

– А вот наш классик Николай Васильевич Гоголь предупреждал молодых людей: «Жениться – это вам не в баню сходить», – отшутился я.

8

Лада оказалась круглолицей, голубоглазой, как мама, четырехлетней малышкой с двумя свисающими до плеч белокурыми косичками. На левой щечке краснел маленький рубец. К груди она прижимала пушистого Чебурашку, длинные уши которого очень похожи на её светлые хвостики волос.

Как и все маленькие пациенты, Лада сначала дичилась, пряталась за маму:

– Я тебя не знаю.

– Давай знакомиться, перед тобой доктор Айболит, – воспользовался я испытанным приемом, чтобы расположить её к себе. – Вот тебе конфетка!

– Мама ничего не разрешает брать у незнакомых дядей.

– Правильно, однако мама рядом, а я никакой не незнакомый, я – доктор.

– Доктор дает таблетки с лекарством.

– Тоже верно. Ой, только сейчас заметил, какое у тебя славное платице, сиреневое, под цвет твоих красивых васильковых глаз. Это кто же тебе купил? Наверное, мама?

Лада застенчиво уткнулась в подол матери.

– Тогда смотри фокус: по щучьему велению, по моему хотению открывается волшебный портфель, и – ап! – в моих руках книжка про Айболита. Это тебе подарок к Новому году. Ну-ка, давай почитаем: «Добрый доктор Айболит! Он под деревом сидит»... А дальше знаешь? Помоги, я забыл.

– А дальше совсем смешно: «И пришла к Айболиту лиса: „Ой, меня укусила оса“. И пришел к Айболиту барбос: „Меня курица клюнула в нос!“»

– Какая ты молодец, спасибо, подсказала, теперь запомню!

И на следующий день она смотрела на меня букой. Пришлось показать фокус, в котором монетка «проходит» сквозь крышку стола. Положив монету на стол недалеко от края, я накрыл её ладонью и начал медленно «втирать» в стол круговыми движениями. Незаметно придвигая монету так, чтобы она упала мне на колени, я продолжал пальцами делать «втирающие» движения в том месте, где изначально лежала монета, и негромко приговаривал первое, что приходило на ум:

Петух Петя жил на свете,
Увидал болото, сделал фото,
Полетел на мост, распустил хвост,
Зажегся свет, зеленый свет.
Монетка где? Монетки нет.
Зашел Петя в дом,
Нашел под столом.

Не отводя широко открытых глаз, малышка изумленно смотрела на стол – искала дырку, через которую монетка провалилась вниз.

А я заметил, что фокус развеселил и Веронику. Впервые увидев, как она славно улыбается, меня захлестнула волна блаженного счастья.

* * *

Теперь свободные от работы и дежурства дни я проводил с Ладой и Вероникой в реабилитационном центре.

Мама сразу догадалась о моем увлечении и при каждом подходящем случае выговаривала:

– Ты совсем забыл Руфину. Нина Петровна говорит, племянница извелась от одиночества.

– Что я могу поделать, меня тянет к малышке с васильковыми глазками.

– К малышке? – переспрашивала она. – А может, к её мамаше?

– И к ней. У нее тоже васильковые глаза.

– Ох, – вздыхала мама, – кажется, ты совершаешь большую глупость.

– Торжествуй, ты ведь давно хотела, чтобы я женился.

– Только на Руфине!

– Не волнуйтесь, мамаша, у вашего ребенка хорошие анализы и отличное чувство реальности, говорю вам как педиатр, – отшучивался я.

– Тебе все хихоньки да хахоньки! Пора бы уже повзрослеть! Одумайся, я тебе добра желаю. Руфина сделает твою жизнь обеспеченной и счастливой, а с безработной женщиной, у которой четырехлетняя дочка, ты хлебнешь забот. Ведь ты про них ничего не знаешь.

– Узнаю! У нас впереди вся жизнь! – оптимистично ответил я и добавил: – А первым делом хочу добиться направления в знаменитую клинику. Когда со щечки Лады уберут красненький рубец, моя доченька, а твоя внучка, будет самой красивой в России.

Прошла череда холодов с ветрами и обильными дождями, прогремели весенние грозы, только после этих катаклизмов как-то вдруг зазеленела трава, солнце теплыми лучами распушило кусты, раскрыло на деревьях клейкие листочки. Красота! И во мне поселилось несказанное светлое ликование. Начинается новая жизнь.

2014 г.

Наследник

1

Когда ни глянь, детская площадка во дворе заполнена счастливой ребятней. Одни резвятся на качелях-каруселях, другие бесстрашно лазают по гимнастическим снарядам или карабкаются на горку, чтобы скатиться шумной гурьбой, а то – вдруг, будто по команде, непоседы начинают меняться аттракционами, тогда с высоты девятого этажа их сумбурная беготня напоминает броуновское движение.

«Да-а, вот чудесный перпетуум-мобиле. На детей можно смотреть бесконечно, как на пламя костра, как на течение воды, как на вращение колеса», – восхищенно думал учитель физики Иван Михайлович, медленно отходя от окна.

Однако в последнее время эта картина стала раздражать, и он ополчился на сына:

– Сколько я буду ждать внука? Я не вечный!

Тридцатилетний Анатолий Орлов, рослый, полнеющий и флегматичный, нехотя отвлекся от экрана телефона и вразвалку уходил на веранду курить. Ну вот, начинается! Эту песню он слышит с тех пор, как познакомил предков с рыжеволосой стройной красавицей Кирой.

– Давай-давай, – густым баритоном продолжал отец, следуя за сыном. – Ты блондин, Кира огненно-красная – дети будут серо-буро-малиновые, ну и пускай, мне это по барабану, как говорят школьники, – главное, был бы Орлов, продолжатель нашей фамилии.

Высокий, с гривой седеющих волос, больше похожий на оперного певца, чем на учителя физики, он первое время шутил, но временами равнодушная ухмылка сына просто бесила, и он возмущенно обращался к жене:

– Ну, разве поймешь этих молодых? Настоящая любовь у них или снова физический эксперимент под названием репетиция брака? Когда Кира остается здесь ночевать, то спят как муж и жена, однако детей почему-то нет.

Пятидесятилетняя Вера Семёновна, моложавая за счет ухоженной фигуры и темноокрашенных пышных волос, отвлекалась от кухонных дел и защищала любимого сыночка властным контральто директора школы:

– Успеется, какие их годы! Пусть еще погуляют, поживут для себя.

Анатолий – крупный, представительный, весь в отца, а правильными чертами удлиненного интеллигентного лица похожий на мать, – слушал родительский дуэт с обычной холодной усмешкой. Лениво доставал сигарету, зажигалку и спешил плотнее прикрыть дверь в свою комнату, чтобы не услышала Кира. Ведь она ужасно обидчивая, а отец в минуту гнева начинает возмущенно басить на всю квартиру. Вот и сейчас, сдвинув брови, разошелся не на шутку:

– Ну, пойми, лапушка, сколько можно бездумно порхать? Слава Богу, наконец-то сын перестал менять подруг как перчатки! Тридцать лет стукнуло, пора уж образумиться. Институт окончил, работает автомехаником, получает неплохо – пусть скорее женится и подарит нам внуков. Человек в этой жизни должен оставить после себя потомство, сделать шаг в вечность, иначе жизнь бессмысленна.

– Господь даёт детей не каждому, – осаживала его Вера Семёновна, преподаватель литературы, и авторитетно добавляла пословицу Даля, напоминающую цитату из Библии, к чтению которой пристрастилась в последнее время: – Живи не как хочешь, а как Бог велит.

Требовательно глядя в её большие карие глаза, которые казались агатовыми на фоне белого, все еще миловидного лица, он продолжал:

– Лапушка, где логика? Дочь Таня моложе Анатолия на два года, а уже подарила нам прелестную внучку Сашеньку. Но продолжить фамилию Орловых может лишь Анатолий. Вот

у соседа по даче и гаражу Матвея Байбакова недавно родился внук, назвали его именем. Теперь Байбаков имеет законного продолжателя рода, а у меня до сих пор щемит сердце от зависти.

– Тебе мало, что твой любимый ученик, знаменитый физик, академик Волобуев назвал сына твоим именем и пригласил быть крёстным?

– Это льстит моему самолюбию, однако я хочу родного внука.

– Прежде чем Анатолию обзаводиться ребенком, нужен свой угол, – с упреком бросала она мужу и ставила заведомо невыполнимое задание: – Помоги ему купить квартиру, а уж тогда требуй...

Удар был ниже пояса; он резко обрывал жену, начинал лихорадочно метаться по комнате, раздраженно проклиная свою мизерную учительскую зарплату, тыкал пальцем в газетные объявления, где всевозможные частные банки наперебой завлекали *очень выгодными* кредитами, субсидиями, ипотеками на покупку квартиры или машины...

Как все холерики, он быстро успокаивался и снова затевал разговор о внуке:

– Лапушка, может, у Киры тайная женская болезнь? Не могу взять в толк: уже три года спят вместе, казалось бы, замкнутый электрический контур, а детей нет. Объясни, как это им удается?

– Ты опять за свое! Воистину, голодной куме хлеб на уме, – обрывала дородная жена. Несмотря на тридцатилетнюю супружескую жизнь, она стыдилась разговоров про интим. – Не лезь к ним, рано или поздно они сами разберутся во всем.

– Мне интересно, почему у них не так, как у нас? Помнится, ты в молодости бывало даже выскакивала из постели и всю ночь спасалась от меня на кухне, а тут...

– Отстань, нам не понять молодых; вспомни, еще Тургенев писал о конфликте отцов и детей, – досадливо говорила она, отыскивая пультом интересную передачу в телевизоре, а если вдруг попадалась любовная сцена, спешно переключалась на другой канал.

Но Ивану Михайловичу даже в постели не давала покоя мысль о внуке.

– Лапушка, все-таки я считаю – надо поговорить с Анатолием, расставить все точки над «i», – вдруг тревожно говорил он, обнимая жену. – А если Кира вообще не способна рожать? Что это будет за семья? Тогда лучше пусть разойдутся сразу.

– Хорошенькое *сразу*! Сын три года морочил девушке голову, и «пусть разойдутся». Не слишком ли жестоко по отношению к ней?

– Но пойми, лапушка, семья без детей – это несчастье на всю оставшуюся жизнь. Если Анатолия ждет такое будущее, то мне жаль его, беднягу. Да и нас.

– Хватит! Они молодые, любят друг друга, рано или поздно у них все образуется. Спи!

Однако отец не мог смириться. Когда чего-то не понимаешь, то успокоиться трудно. Во всем он винил Киру, постоянно ждал, когда сын даст отставку и этой девице, а сам втайне строил планы избавления от нее, хотя старался не показывать своего умысла. Вообще-то она красивая, ничего не скажешь, – как шутили студенты физфака, сочетание электронов и позитронов у нее ортогональное, а в остальном...

Кира. Ну, что за имя – Кира? Возможно, называя так, родители предвидели, что длинные волосы у нее станут цвета пожарной машины, одеваться будет вечно в джинсы, обтягивающие стройную фигурку, а мимо зеркала не сможет пройти, чтобы не начать причесываться или макияжить красивое лицо. Раздражало, что она курит тоненькие сигаретки, а табачный запах старается перебить дорогими духами; не нравилось, что украдкой покашливает, словно чахоточная, Анатолия именует на польский манер – «пан Анатоль», плюс ко всему, бездумно бросила третий курс биофака, ради работы в парфюмерном магазине. Обмен очень выгодный: променяла ястреба на кукушку! Но главное – не рожает. Иван Михайлович где-то вычитал слово «нерождёха» и теперь мысленно обзывал её так, при этом невольно вспоминал поговорку: «От больной жены не жди здоровое дитя». Вероятно, поэтому Кира до сих пор не рожает, прикрываясь любовью то к путешествиям, то к развлечениям?

В начале апреля она взяла отпуск и поехала на родину, в Самару, ухаживать за раковой больной матерью, в это же время Анатолия и других работников автозавода вынудили уйти в отпуск из-за кризиса, и он, как витязь на распутье, думал: ехать ли ему к Кире или скучать дома? Тогда-то Ивану Михайловичу и пришла хитрая мысль, как избавиться от *неродёхи*.

Он достал из гаражного погреба трехлитровую банку прошлогоднего яблочного сидра, позвал Анатолия к столу:

– В прошлом году уродилось много яблок, и я впервые отважился изготовить вино по рецепту из Интернета. Сейчас хочу привлечь тебя как дегустатора.

Наполняя фужеры, смущенно добавил:

– Цвет вроде нормальный, а на вкус – не взыщи, я в этом деле *чайник*, как говорят школьники. Ну, твое здоровье!

Чокнулись. Анатолий прислушался к стеклянному звуку, сказал:

– Давай повторим, возьмись за ножку. Слышишь, какое красивое серебряное звучание?

– Ты прав! Даже с самодельным вином хрусталь издает звуковые волны частотой от 16 Гц до 20 кГц, доступные человеческому уху.

Напиток медового цвета, вкусный, вроде яблочного сока, – а оказался неожиданно хмельной. Многократно слушая красивый звон бокалов и говоря о чемпионате мира по футболу, мужчины незаметно усидели три литра. Охмелев, отец приступил к тому, что наболело и не давало покоя:

– Пока твоя Кира будет ухаживать за больной матерью, поезжай-ка в дом отдыха Марфино, развеешься.

– Ну, чего я один поеду – чтобы умереть там со скуки? – лениво растягивая слова, откликнулся сын. – Вернется Кира, тогда уж...

– Сосед Байбаков однажды пошутил: ехать в дом отдыха с девушкой то же, что в Тулу со своим самоваром. Его послушать – там всегда полно молодых незамужних красавиц: они вмиг облепят тебя, как швейные иголки магнит, а когда узнают, что такой дюжий тридцатилетний богатырь не женат...

– Ладно, подумаю.

Отец болезненно сморщился: «Ну, чего тут думать? Садись за руль и поезжай – через три часа будешь на месте, встретишь нормальную девушку, здоровую, некурящую, без женских проблем. А Киру – в отставку, как и предыдущих подружек, ведь у тебя в этом деле большой опыт». Но вслух ничего не сказал – а вдруг сын обидится? И весь день молчал, потому что на душе накипело, а самодельное вино сработало как электромагнитное реле.

Однако Анатолий не последовал отцовскому совету. Страстный автомобилист, он две недели вынужденного отпуска провел в гараже, ремонтируя своего большого черного *японца*, заодно перебрал и отрегулировал двигатель отцовской отечественной машинёшки. А двадцать девятого апреля, на всех парах помчался в аэропорт Домодедово встречать Киру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.